

ИРИНА КАЛИТИНА



МАМИНО СЧАСТЬЕ

Ирина Калитина

Мамино счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70020520

SelfPub; 2023

Аннотация

Любовь женщины, лишившейся мужа и двух старших детей, досталась младшей дочери. Страх за ребёнка определяет поступки матери.

Ирина Калитина

Мамино счастье

Старшего брата, улыбающегося беззубым ртом младенца, Агата видела, только, на снимке, его не стало по причине внезапной детской смертности. Сестра-близнец задохнулась во время родов, отца поглотила сель в геологической экспедиции. От бабушек и дедушек осталась квартира с высоким потолком, антикварная мебель и часы, такие старые, что перед тем, как отбивать следующий час они хрипло и глубоко вздыхали.

Прошлое представлялось Агате выцветшим, как чёрно-белые фотографии в семейном альбоме, а настоящее – ласковым, сияющим, нежно пахнущим и приятным на вкус.

«Агата осчастливила маму тем, что осталась жива», – догадка в головке малышки со временем превратилась в уверенность.

Сорокалетняя мама имела учёную степень и занимала высокий пост в геологической отрасли, от папы осталась крупная выплата за открытие месторождения.

Детский садик наследнице был неведом. Пожилая соседка по дому до семи лет одевала дитя в кроватке, заплетала косу, пока принцесса завтракала, натягивала изящную обувь на ножки, стоя перед девочкой на коленях, а подопечная забавлялась тем, что носком сапожка задевала «клюв» няни.

Поработив старушку, Агата принялась за маму: кидалась на пол, стуча ногами, или имитировала болезнь, постанывая под пуховым одеялом, при этом из-под него выглядывал хитрый зелёный глаз.

Мама не скупилась на дорогих врачей, покупала игрушки и наряды, которые не могли позволить себе родители сверстников дочери, покрывала враньё учителям и друзьям, доставала справку о болезни, если девочка прогуливала уроки.

Агата обожала танцы, мама отвела её в хореографическое училище.

Вдвоём они пересмотрели все балетные спектакли в лучшем театре города. Носки туфельки малышки были стоптаны, а платьица перешиты на манер «пачки» маленьких лебедей.

И, всё-таки, один вопрос оставался неразрешённым между матерью и её сокровищем: с малолетства Агата требовала права уходить безо всякого предупреждения и возвращаться, когда хочет, а мама очень боялась лишиться последней своей радости.

В четыре года, обманув няню, подопечная выскочила на улицу, хотела показать прохожим новое платьице. На воле оказалось холоднее, чем в квартире, так обычно бывает в ноябре, но девочка этого не знала. Кашель малютки в течение месяца надрывал сердце матери.

В восемь лет школьница сбежала с последнего урока на каток посмотреть, как тренируются фигуристы, выскочила на лёд, столкнулась с танцором, конёк распорол ей ногу. Ма-

му испугал кровавый шрам на ножке любимицы.

Не жалела родительница денег на дорогих репетиторов, они изрядно донимали девочку. Но сколько ни старались педагоги, успехов в школе и в балете Агата не показала.

Чтобы объяснить двойки учителям, врала, что занималась танцами, хореографам говорила, что учила английский, а маме жаловалась на головную боль от напряжения.

Неявку в школу, длинную в три дня объяснила классной руководительнице тяжёлой болезнью матери.

Маму уважали в школе, она помогла организовать там геологический музей и подарила часть камней из личной коллекции.

Встревоженная учительница по телефону справилась о здоровье «спонсора» и обе женщины были сильно удивлены, а побагровевшая мать покрылась испариной и порадовалась, что никто не застал её в таком виде.

Лет в двенадцать прекрасно одетая, ухоженная, здоровая девочка, свободная от проблем, подобно царевне-лебедю, вливалась в, наполненную уроками и отметками, непростую жизнь сверстников.

Детское увлечение балетом улетучивалось, стало ясно, что до успехов на сцене далеко, Агата переключилась на действия с «объектами» противоположного пола, где предполагала играть главную роль. Вспыхивали, как салют в праздничный вечер глаза, (с годами они поменяли цвет: к зелёному добавились вкрапления янтарного).

Не только мальчишки, но и взрослые мужчины терялись от многообещающего призыва глаз.

Это смущение Агата понимала, как знак того, что никто не может остаться равнодушным к ней.

Мама подолгу стояла дома у окна, трепетно ожидая возвращения своей голубки, или разыскивала дочь, обзванивая её друзей. Это раздражало Агату, ибо она ни с кем не собиралась обсуждать, куда пошла и где находится. Мама никак не могла понять простой истины: с девочкой ничего не случится, женщине всё ещё мерещились потери прошлых лет.

Однажды, искательница приключений села в машину к солидному немолодому мужчине, отметив про себя, что у него добрые глаза. Они поехали за город в коттедж, где играли во взрослые игры до утра. Доставив «игрушку» до дома, любитель детей презентовал ей поллитровую банку красной икры. Агата выкинула её в урну, зайдя за угол дома. Ценности продуктов ей были неведомы, она ни в чём не нуждалась и не желала отвечать на лишние вопросы. Звонки матери, продолжавшиеся всю ночь, оставались без ответа. В этом не было дурного намерения, просто дочь не знала, как соврать.

Тогда у мамы случился первый инфаркт.

«Жаль её, конечно, но сама виновата, – подумала Агата, – нечего понапрасну волноваться».

Замуж она «выскочила» в 18 лет, без торжеств.

Сказала маме: «Пока, не скучай», и уехала с мужем, лет на пятнадцать старше себя, в Москву, предвкушая полную

независимость.

Через полгода вернулась, разочарованная.

То ли она не обрела желанную свободу, то ли обманутым почувствовал себя супруг, который вместо хорошенькой молоденькой жены получил распущенного ребёнка, осталось неизвестным, но брак распался.

Через следующие приключения дочери длилась лет пять и заставила мать задуматься об устройстве её жизни.

В качестве кандидата в мужья подобрала сына одной из подруг, положительного молодого человека, увлечённого наукой. Его мамаша беспокоилась о том, что жизнь мальчика «проходит скучно».

Женщины подарили детям билеты в театр на балетный спектакль.

Неискушённый парень был очарован лёгкостью и непосредственностью новой знакомой. Через три месяца он, по совету своей матери, сделал предложение.

На этот раз была настоящая свадьба, Агата оказалась в семье учёных, достойных людей, не бедных, но и прислугу они не держали.

Агата старалась показать себя хорошей женой: варила суп, двумя пальцами, брезгливо бросая в кастрюлю с водой тушку цыплёнка, а через полчаса вытряхивала туда из банки борщовую, гороховую или иную заправку.

На второе подавала мужу котлету из супермаркета, замороженную в микроволновке, в неё вставляла веточку пет-

рушки, при этом вырез на блузе подчёркивал соблазнительную грудь, а бёдра шевелились, как у наложницы из турецкого фильма.

После появления на свет маленького Алёшеньки на семейном совете постановили: Агате неприлично не иметь высшего образования.

Интуиция подсказывала маме, что брак дочери продержится дольше, если не она, а родители мужа будут воспитывать малыша и привыкнуть к нему.

С тяжёлым сердцем, предчувствуя неприятности, мать «поступила» Агату в ВУЗ к своим знакомым.

О зачётах и экзаменах «договаривалась» с преподавателями, ссылаясь на то, что дочь занята маленьким ребёнком.

На четвёртом году обучения разразился скандал из-за связи Агаты с темпераментным кубинцем, стажировавшимся на базе университета, их застал декан факультета, пытаясь попасть в аудиторию, запертую изнутри. В бешенстве дёрнул дверь, она распахнулась и дальнейшее называют: «Немая сцена».

Чтобы слухи об измене не докатились до мужа, мать спешно перевела дитя в другое учебное заведение на заочное отделение и устроила на работу помощником депутата, желая занять Агату в дневное время не обременительной работой.

Волнения женщины завершились вторым инфарктом.

Новая семья позволила Агате жить рядом с больной, полностью освободив от ребёнка и домашних обязанностей.

Повеяло свободой, вечера не нужно коротать со скучным мужем, занятым диссертацией, слушать его умные разговоры и советы свекрови по мобильнику.

В тот вечер мама была особенно бледна, вернее это была уже ночь, потому что доченька явилась из ресторана в первом часу. Не ужиная, рухнула в постель.

Засыпая, почувствовала, как лёгкие ласковые руки накрывают её пледом поверх одеяла, и, как в детстве, подгибают края, чтобы не надуло.

Утром в квартире не пахло кофе, не слышно было, как вздыхает каша со сливками в кастрюльке, похожей на горшочек.

Оглушённая тишиной, Агата на цыпочках вошла к маме в спальню. Это была уже не её мама, в постели оставалось тело, а душа, наполненная заботой и любовью, исчезла, рассеялась, растворилась.

Похоронами занимался супруг.

Агата принимала соболезнования по телефону, купила чёрный шарф, чёрные очки, лёгкие полусапожки в тон к шубе.

Церковная служба прошла без осложнений, у гроба собралось много друзей, знакомых, сотрудников.

Агата не предполагала, что снег на кладбище у разрытой могилы не утоптан подобно асфальтовому покрытию в городе. Ноги в неутеплённой обуви провалились в сугроб и застонали от холода. Она мучительно ждала окончания проце-

дуры и с облегчением бросила горсть земли на крышку гроба.

А потом случилось непонятное и непредвиденное: каждый следующий день после похорон становится тоскливее предыдущего.

Станный сон возвращается и возвращается к ней, в нём мама уходит.

«Мама, мама, – кричит Агата, – я, твоё счастье, здесь! Обернись, взгляни на меня!»

Но мама не оборачивается, идёт неуверенной походкой, дрожащая, сторбленная, будто ей не шестьдесят восемь лет, а все сто, идёт к мужу и тем детям, которые давно покинули её.

Агата чувствует, что никогда больше не согреет её взгляд, наполненный нежностью, никто не укроет пледом, не вернёт ощущение безмятежного детства.

Ей жаль себя, снова хочется стать чьим-то счастьем.

Муж – не в счёт. Подозрения его насчёт супруги подтвердились после того, как посмотрел мобильник тёщи. Хотел понять, почему не вызвали скорую, а обнаружил, что мать допоздна разыскивала дочь.

Теперь Агата живёт одна в маминой квартире. Сына, почти, не знает и, вряд ли, сделается когда-нибудь его счастьем.

Один любовник женат, это тот самый депутат, у которого она, якобы, помощник, второй подходит, только, для эпизодического, но яркого секса, насчёт третьего, ей и самой, по-

ка, неясно.

«Мама, мама, – не понимает Агата, – почему ты ушла?!».